

The evolution of the customs of hospitality among Kabardins (middle XIX—XX centuries)

The author investigates the traditional hierarchy of the grades of guests, which existed in the traditional etiquette of Kabardins.

Nowadays the institute of hospitality continues functioning within, primarily, the set of kin and friend relations. As to other persons, this institute has but a rather formal character.

I. L. Babich

© 1996 г., ЭО, № 3

Д. Д. Тумаркин

ОТ ПОЛИНЕЗИЙСКОГО КАНОЭ ДО КОСМИЧЕСКОГО КОРАБЛЯ (о Бене Финни и его исследованиях)

Уже первые европейские мореплаватели, открывшие в XVI—XVII вв. островной мир Полинезии, задумывались над тем, как попал человек на участки суши, затерянные среди океанской пустыни. Их догадки, в большинстве своем малообоснованные и порой наивные, в XIX в. превратились в теории происхождения полинезийцев. При всем многообразии индивидуальных точек зрения сложились три основных направления научной мысли в этом вопросе: одни считали, что Полинезия заселена из Азии, другие — из Америки, третьи доказывали, что полинезийцы вообще ниоткуда не пришли, а являются автохтонами, т. е. исконными жителями тихоокеанских островов.

В пользу заселения Полинезии из Азии высказывались многие мореплаватели XVIII в. — Л. А. Бугенвиль, Дж. Кук, Ж. Ф. Лаперуз и др. Но научную базу под эту концепцию одним из первых подвел участник русской кругосветной экспедиции 1815—1818 гг., поэт и естествоиспытатель А. Шамиссо; он указал на языковое родство полинезийцев с малайцами. Отсюда возникло понятие «малайско-полинезийская семья языков», обоснованное в 1836—1839 гг. известным немецким ученым В. Гумбольдтом. Другие путешественники и исследователи вскоре дополнили лингвистические параллели указаниями на этнокультурное родство полинезийцев с обитателями Юго-Восточной Азии.

Родоначальником теории заселения Полинезии из Америки, вероятно, был испанский монах Х. Суньига. В 1803 г. он выпустил книгу, в которой подчеркивал, что в тропических и субтропических широтах Тихого океана господствуют течения и ветры с востока, благоприятствовавшие плаваниям американских индейцев в Полинезию, но крайне затруднявшие заселение ее из Азии. Сходные взгляды высказывал в 20—30-е годы XIX в. английский ученый, миссионер У. Эллис. Он, правда, допускал, что далекими предками полинезийцев могли быть древние малайцы. Вместе с тем У. Эллис отвергал возможность заселения Полинезии с запада, из Азии. По его мнению, малайцы или родственные им племена через Берингов пролив и Алеутские о-ва некогда заселили тихоокеанское побережье Северной и Центральной Америки, а уже отсюда часть их потомков «в какой-то последующий период» с помощью попутных ветров и течений перебралась на Гавайские о-ва и о-в Пасхи, а затем расселилась по всей Полинезии.

К середине XX в. теория автохтонного происхождения полинезийцев была отвергнута специалистами как беспочвенная и противоречащая установленным фактам. Подавляющее большинство ученых-океанистов, расходясь в деталях, искало предков полинезийцев в Юго-Восточной Азии и пыталось проследить их миграции через Меланезию и Микронезию. Однако именно в эти годы «американскую» теорию попытался возродить и обосновать норвежский путешественник, исследователь и талантливый писатель-популяризатор Т. Хейердал, совершивший в 1947 г. знаменитое плавание на бальсовом плоту «Кон-Тики» из Кальяо (Перу) до о-ва Рароиа (архипелаг Туамоту). Ученые разных специальностей, изучающие полинезийскую проблему, подвергли аргументированной критике концепцию Хейердала, во многом повторявшего основные аргументы Эллиса*. Но в спорах со своими

* См.: Тумаркин Д. Д. Тур Хейердал и проблема заселения Полинезии// Австралия и Океания. (История и современность). М., 1970. С. 151—173.

оппонентами, в том числе с автором этих строк. Хейердал обычно повторял: «Вы — кабинетные ученые. Я же проверяю свои взгляды на практике».

В качестве еще одного «возмутителя спокойствия» тогда же выступил новозеландский историк Э. Шарп, утверждавший, что Полинезия была заселена в результате множества случайных, непреднамеренных и однонаправленных плаваний. Дальние походы в тропической зоне Тихого океана с возвращением назад были, по мнению Шарпа, попросту невозможны из-за низкого уровня навигационных познаний у полинезийских мореходов.

Исследователи полинезийской проблемы приняли вызов, брошенный Хейердалом и Шарпом. Археологические раскопки, развернувшиеся на многих островах Океании, позволили с уверенностью обосновать концепцию заселения Полинезии из Меланезии, а также выявить основные пути миграций внутри «полинезийского треугольника». И поскольку навигационные аспекты играли огромную роль в построениях Шарпа и Хейердала, в 60-е годы были начаты экспериментальные плавания, в ходе которых изучались и оценивались традиционные приемы навигации и мореходные качества полинезийских каноэ. Одним из главных организаторов и участников этих смелых экспериментов был молодой американский ученый Бен Финни, ныне профессор антропологии Университета Гавайев в Гонолулу.

Б. Финни и его соратники, в большинстве своем гавайцы и другие полинезийцы, внесли крупный вклад в возрождение традиционного полинезийского мореплавания. На основании этих экспериментов Финни пришел к заключению, что древние «мореплаватели солнечного восхода» могли совершать целенаправленные тысячекилометровые морские походы и поддерживать двусторонние связи между полинезийскими архипелагами. Его данные подкрепляют, дополняют и уточняют выводы археологов и лингвистов о путях заселения Полинезии. Но этим не исчерпывается значение проведенных Финни экспериментов. Дальние плавания океанских каноэ — составная часть движения за возрождение историко-культурной самобытности, наблюдаемого ныне как в Полинезии, так и в других регионах Океании. Например, жители новогвинейской деревни Билибил, где некогда проводил исследования Н. Н. Миклухо-Маклай, в 1978 г. построили по традиционным канонам большое парусное каноэ (*лалонг*); на таких судах их предки совершали плавания вдоль северо-восточного побережья Новой Гвинеи*.

Диапазон научных интересов Б. Финни очень широк. Его перу принадлежит несколько монографий, посвященных таким проблемам, как социально-экономические изменения на Таити и в Папуа-Новой Гвинее, влияние туризма на островитян Океании и т. д. Более того, Финни явился одним из основоположников нового направления в социальной антропологии, которое он назвал астроантропологией. По мнению Финни, эта дисциплина способна помочь выяснению того, почему человек стремится в космос и что будет означать для человечества переселение на другие планеты, а затем и на звезды, находящиеся за пределами Солнечной системы.

Антропологи, как он полагает, могут: 1) способствовать преодолению социокультурных барьеров, проявляющихся при длительных космических перелетах, при работе и жизни на орбитальных станциях, 2) давать рекомендации по созданию социальных структур, наиболее приспособленных для постоянного обитания человека в космосе, 3) содействовать взаимопониманию между обособившимися ветвями человечества, рассеянными в космическом пространстве и, наконец, 4) внести свой вклад в дешифровку культурных систем внеземных цивилизаций, если таковые будут обнаружены**. Финни сотрудничает с американским космическим агентством (НАСА), Международной академией астронавтики, Международным космическим университетом в Вене и другими подобными организациями, а также с российскими специалистами, занимающимися этой проблематикой. В 1995 г. он был удостоен медали К. Э. Циолковского за заслуги в развитии космонавтики и исследования космического пространства.

Сегодня разработки в области астроантропологии имеют в значительной мере футурологический характер. Но ускоряющиеся темпы научно-технического прогресса, сопровождаемого, к сожалению, ухудшением среды обитания и истощением невозобновляемых природных ресурсов на нашей планете, приближают наступление того времени, когда возрастет практическое значение таких исследований.

А пока Бен Финни в скользящем по волнам быстрокрылом каноэ продолжает постигать секреты полинезийского мореплавания. Мне кажется, что его статью об этих экспериментах с интересом прочтут не только этнографы-океанисты и специалисты по традиционным системам навигации, но и все те, кого влечет романтика морских странствий, волнуют загадки мировой истории.

* *Mennis M. The First Lalong Canoe Built for 40 Years, Bilibil Village, Madang Province//Oral History. 1980. V. 8. № 1. P. 1—115.*

** См., например: *Finney B. R. Anthropology and the Humanization of Space//Acta Austronautica. 1987. V. 15. № 3. P. 189—194.*